

В подмосковном Переделкине в маленькой деревянной даче, которую Булат Окуджава арендовал у Литфонда, с августа прошлого года действует музей. Здесь каждую неделю, в выходной, собираются его друзья, почитатели и просто любители словесности. И звучат стихи, проза, песни бардов и разные истории, "байки", так или иначе связанные с именем Булата. Какой же это музей, скажет скептик, раз экспонаты не пылятся на раз и навсегда отведенных местах? Да, этот дом не зарос мемориальной пылью, и тишина стоит тут только тогда, когда в небольшой комнате тесно сидящие люди внимательно слушают выступления Беллы Ахмадулиной

или Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко или Наума Коржавина, Фазиля Искандера или Вероники Долиной... В музее уникальные фотографии, книги, пластинки Булата Окуджавы и его друзей эпохи шестидесятых. Удивительно, что музей работает, а официальной бумаги о его существовании нет. Застыла, видимо, где-то в кабинетах Минкульта. Впрочем, для Окуджавы такая ситуация была привычной: начальство его песен не признавало, а они звучали в каждом доме. Через день Булату Шалвовичу исполнилось бы 75 лет. И эти небольшие рассказы прозвучали уже без него, но в его доме.

НЕПОВТОРИМАЯ ЖАЖДА ДРУЖБЫ

Юрий КАРЯКИН:

— Мы избавлялись от заразы коммунизма, СПИДа коммунизма и от трагедии каждый по-своему. Булат, зараженный этим вирусом, как и я, отходил от него невероятно благородно — не проклиная, не кляня. Про родителей своих он написал в книге "Упраздненный театр", уважая их память, представляя себя на их месте, зная, что там не было никакой корысти, а была, если честно говорить, мировоззренческая глупость. Потому что, став на сторону коммунизма, нельзя не быть глупым. Закон коммунизма состоит в понижении интеллектуального уровня.

Представьте эти профили — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Зюганов. Это закон понижения качества, вырождения, проясняющий суть коммунизма. Потому что невоз-

ПРИСУЩА МУЗЫКА СЛОВАМ

Наум КОРЖАВИН:

— Булат был моим другом. У нас не было слишком тесных отношений, но все-таки были близкие, было понимание. Познакомились мы в начале пятидесятых годов, он тогда работал в издательстве "Молодая гвардия", в отделе переводов. Потом он стал заведующим отделом поэзии в "Литературной газете". До него эту должность занимал другой очень хороший поэт, которого многие долгое время недоценивали — Валентин Берестов. Но Валя был человек очень мягкий, и поэтому поэты, литераторы и прочие графоманы просто оккупировали его кабинет, иногда ему даже негде было сесть, и работать там было совершенно невозможно. Когда пришел туда Булат, то первым делом он их всех выгнал и стал работать.

Когда я понял, что он очень большое явление? Был вечер, посвященный павшим на войне поэтам. В общем, хороший вечер, но чувство оставило какое-то тягостное. И Булат говорит:

— Пойдем ко мне ночевать, у меня есть коньяк, посидим, поговорим.

Он снимал квартиру на Фрунзенской набережной. Пришли, сели вдвоем, выпиваем, разговариваем. Потом он прочел стихи. Я сказал, что они очень талантливые, но мне чего-то не хватает, может быть, последнего обобщения. Сидим дальше, беседуем. Через некоторое время он говорит: "Знаешь, я тебе спою". Причем это не было специально, ничего он не хотел доказать — просто прочел стихи, а теперь захотел спеть. И спел. И я понял, что этого мне как раз не хватало...

Высоцкий как-то сказал, что песни Булата показали, как может музыка усиливать стихи. По-моему, это не имеет отношения не только к Булату, но и к самому Высоцкому. Музыка усиливать стихи не может. Никакая музыка не усилила "Я помню чудное мгновенье". Оно как было сильным стихотворением, так и осталось. Музыка может из посредственных стихов сделать хорошую песню, но не усилить их как поэзию. Это будет уже другое произведение. У Булата иной случай. Это такая поэзия. У него словам была присуща музыка, и без нее как будто отнимали что-то. Более того, есть стихи, которые он никогда не пел и все равно там чувствуется музыка. Но это не во всех стихах. Мне, например, очень нравится его "Арбатское вдохновение". Эти стихи не требуют никакой музыки, да она тут вообще невозможна, они существуют сами по себе.

Поэтов иногда обвиняют в завистливости. А я, скажем, не люблю Бродского как явление, но всю жизнь завидовал Булату. При этом я песни не только писать — петь не умею. Но меня восхищает это чудо. Запел, и сразу огромное количество людей приобщилось к твоим чувствам. Ведь простая же вещь — "Ванька Морозов", вроде шуточки, прибаутки:

**Не думал, что она обманет,
ведь от любви беды**

не ждешь...

И это "от любви беды не ждешь", казалось бы, на улице валялось, подними и возьми... И у Булата много таких перлов, которые как будто совершенно банальные вещи. А они не банальные, это краткая формула, которая достигнута только постижением "святой науки" — понимать людей. Поэзия, как говорил

СВЯТАЯ НАУКА — РАССЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА...

1999 — 1999 — 7 мая, 1999

Николай Глазков, искусство точное. В общем, всякое искусство точное. И как только возникает неточность, начинается ложь. Точность в поэзии — это достоверность переживания. Булат был всегда точен.

Когда-то меня абсолютно поразила его песня "До свидания, мальчики". Как замечательно построено это стихотворение, а ведь он и не думал о его архитектуре. На тему войны у Булата в общем довольно много песен. Но эта — о поколении, воспитанном на высоком, о поколении, которое штурмовало небо. "На пороге едва помячили и ушли за солдатом солдат..." — это пели девочки о мальчиках. Но девочки и сами уходили на войну. И — "Вы наплывайте на сплетников, девочки, мы сведем с ними счеты потом"... Ведь в этой песне два времени — когда происходит действие и когда автор поет. И они не сходятся. Автор

знает, что никаких счетов ни с какими сплетниками сведено не будет, что это невозможно и по жизни, и по той подлости, в которой мы оказались. И тут уже столкновение драматическое. Здесь вся трагедия не только поколения — жизни. Возможно, эта духовная трагедия лежит в основе всей нашей жизни. И сегодня, и вчера. И как это может устареть?

И В ЭТОМ БЫЛ ВЕСЬ БУЛАТ

Евгений ЕВТУШЕНКО:

— В 1972 году я написал стихи, посвященные Булату, когда на него все напали. Тогда в издательстве "Посев" вышел его двухтомник. А Булат был, как известно, членом партии, и его вызвали в

партком московской писательской организации и стали требовать, чтобы покаялся за вступительную статью к этому двухтомнику, к которой он не имел никакого отношения.

Заседание парткома вел тот самый человек — Сергей Смирнов, который спас столько героев Брестской крепости, но одновременно именно он вдохновенно председательствовал на собрании московских писателей, которое исключило из членов СП Пастернака. Ну что тут можно сказать? Бывает же какое-то затмение у человека. Но времена уже вроде переменялись, и говорили даже, что он как будто покаялся. И вдруг он ведет это угрожающее заседание. Я не был там, потому что не член партии, но мне все это рассказывали. В общем, когда Булат отказался покаяться, они исключили его из партии.

Что за этим могло последовать? Прежде всего, разумеется, остановили бы издание всех книг, отменили поездки по стране, выступления. А потом исключили бы из Союза писателей. Ну и человек оказался бы в полной изоляции. То есть это было выталкивание Булата за границу.

И мне пришлось, хотя я и не член партии, идти на прием к Гришину, члену Политбюро и секретарю московской организации. Пришел. Он мне очень долго рассказывал, как они внедряют в Москве молоко в бумажных пакетах и как у них углы подтекают. В общем, докладывал обстановку по городу. А я написал ему тогда большое письмо, в котором говорилось: ну, мало ли что они пишут там в Мюнхене. И до какой поры действия партийной организации Союза писателей будут диктоваться из Мюнхена? Эта фраза была подчеркнута. И я рассчитывал, что на него это подействует. И действительно, сказал он, спасибо за сигнал своевременный. При мне позвонил в Краснопресненский райком и высказал им свое недовольство. Вот такой был разговор, и чудом тогда это исключение не состоялось.

Когда я пришел к Булату и стал рассказывать об этом, он сказал мне "спасибо" и немножко улыбнулся, когда я описывал Гришину, потом заметил:

— А в каком-то смысле я даже жалею, что меня не исключили.

Это было совершенно искренне. И в этом был весь Булат...

можно построить рай Божий на земле. И главная черта проходит не между классами, нациями, народами, партиями, а внутри нас — это добро и зло. Эта черта подвижна, потому что можно поддаться то в сторону добра, то в сторону зла. И борьба эта неисчерпаема до святого духа. С этим нужно смириться как с данностью.

При всем при том у Булата счастливая судьба. Потому что он избежал таких последних строк, которые написал Осип Мандельштам в лагере: "Черная ночь, душный барак, жирные вши..."

Я уже писал и говорил, наверное, что Булат для меня — лицей пушкинский. Я очень долго над этим думал. У Пушкина была совершенно невероятная и в России больше неповторяемая жажда дружбы — дружба как культ. Больше ни у кого такого не было, все остальные страдали. Достоевский страдал, потому что у него не было друзей, у Толстого не было друзей. Культ дружбы исчез. Потому что был благороден. И Булат не случайно был влюблен в эпоху Пушкина, в эпоху дворянства, горделивого, честного, душевного. Я подсчитал с помощью Иры Ришиной, что у Булата — больше ста пятидесяти посвящений друзьям. Такого в мировой поэзии просто не было никогда и ни у кого. Это его награды друзьям и это его жажда дружбы. И я не согласен с тем, что такая щедрость была от одиночества, потому что знаю, как его любили.

Помню, Мераб Мамардашвили, который был гордынный человек, попросил познакомить его с Булатом. Это было в ЦДЛ, я их познакомил. И Мераб, который всегда держал мощное поле отторжения от всякого панибратства и даже намека на панибратство, по-детски был робок. Ну а Булат был, как всегда, доступен и одновременно недоступен. И открыт, и закрыт, всегда присутствовало какое-то поле непроницаемости.

Расскажу одну довольно известную историю. Это было в Польше, Булат давал какое-то интервью и на вопрос — кем бы вы хотели быть? — ответил:

— Помещиком середины девятнадцатого века.

Когда это там напечатали, Феликс Кузнецов тут же устроил в ЦДЛ собрание. И спрашивает: "Ты чего? Совсем уже докатились". А Булат встал и говорит:

— А ты чего, хотел бы быть крепостным у меня?...

Я вышла из дома Булата Окуджавы. На улице было холодно не по весеннему, а на скамейке во дворе сидел легко одетый известный актер и то ли плакал, то ли бранился.

"Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе..." — пел знакомый чуть хрипловатый голос.

Ольга СОЛОМОНОВА.